

Российско-сирийское постконфликтное сотрудничество в контексте региональной многовекторности

Марина А. Сапронова

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия
m.sapronova@inno.mgimo.ru*

Аннотация. В статье рассматривается российско-сирийское сотрудничество после завершения основной фазы контртеррористической операции, перехода к политическому процессу и экономическому восстановлению страны. Анализируется региональная политика России, которая строится на формировании «подвижных» тактических союзов, а также экономические интересы Турции, Ирана и Китая, рассматривающих Сирию как важное звено в складывающейся нефтегазовой и логистической трансграничной структуре. При этом сама Сирия ищет новую парадигму выстраивания двусторонних и многосторонних отношений не только в Ближневосточном регионе, но и со странами Евразии.

Ключевые слова: Сирия, региональная политика России, энергетическое пространство, евразийская интеграция

Для цитирования: Сапронова М.А. Российско-сирийское сотрудничество в контексте региональной многовекторности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 59–75. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-59-75

Russian-Syrian post-conflict cooperation in the light of regional multi-vector course

Marina A. Sapronova

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
m.sapronova@inno.mgimo.ru*

Abstract. The article presents Russian-Syrian cooperation after termination of the main phase of the counterterrorism operation, switching to political process and economic recovery of the country. The article considers Russian regional policy that is based on formation of “flexible” tactic unions. Economic interests of Turkey, Iran and China are analyzed as well. Those countries

consider Syria to be an important element in the emerging oil and gas and logistic trans-border structure. At the same time, Syria itself is looking for a new model of building bilateral and multilateral relations not only in the Middle Eastern region but with countries of Eurasia.

Keywords: Syria, Russian regional policy, energy space, Eurasian integration

For citation: Sapronova, M.A. (2020), "Russian-Syrian post-conflict cooperation in the light of regional multi-vector course", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International relations" Series*, no. 3, pp. 59-75, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-59-75

Введение

В опубликованном в январе 2020 г. аналитическом прогнозе «Международные угрозы 2020. Каждый – за себя» эксперты отмечают, что в настоящее время начали формироваться контуры нового мира «с новой экономикой, новой политикой, новым обществом», одновременно уже началась борьба за этот мир: конкуренты «мобилизуют ресурсы», отказываются от традиционных альянсов и договоренностей, ищут новых союзников, при этом на первый план выступает «реальная сила»¹.

Аналитики уже неоднократно подчеркивали, что региональная политика России (прежде всего на Ближнем Востоке), подвергшись серьезному испытанию со стороны нерешенных глобальных проблем, начала выработку и имплементацию новых, «нелинейных» подходов в своей стратегии и тактике, используя форматы «сети союзов», которые представляют собой «набор многосторонних и двусторонних связей и обязательств», имеющих разные сроки действия, преследующие достижение конкретных тактических целей².

К применению такого рода «подвижных» политических союзов Россию подтолкнула сама среда ближневосточной политики, кото-

---

¹ Международные угрозы 2020. Каждый – за себя / Отв. ред. А. Сушенцов [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2ac/int-threats-2020.pdf> (дата обращения 25 декабря 2019).

² См., например: Корнилов А.А. Региональные приоритеты внешней политики России как отражение нелинейных стратегических подходов // Зарубежное регионоведение: проблемы теории и практики / Под ред. А.А. Корнилова. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015; Ходынская-Голенищева М.С. На правильной стороне истории: Сирийский кризис в контексте становления многополярного мироустройства. М.: Олма, 2015; [Силаев, Сушенцов 2017]; и др.

рая в настоящее время является сложной и многовекторной, так как здесь пересекаются интересы многих региональных игроков, преследующих цель доминировать не только в политике, но и в экономике (прежде всего в энергетическом пространстве), контролировать транспортные узлы и инфраструктуру. С другой стороны, эта среда весьма инерционна, в силу в том числе накопленного странами конфликтного и военного потенциала. Поэтому в борьбе за ближневосточное пространство необходимо использование всего политико-дипломатического и военного инструментария, применение комплексных подходов к решению региональных вопросов.

Восстановление сирийской экономики актуализирует проблему новой роли Сирийской Арабской Республики в региональной и мировой экономике и ее статуса как важного международного оператора финансовых потоков и товаров. При этом сама Сирия рассматривает свое положение и региональные риски в широком стратегическом контексте и ищет новую парадигму выстраивания международных отношений не только в регионе, но и со странами Евразии в условиях появления сильных региональных игроков, прежде всего, Турции и Ирана.

«Российская операция в Сирии, – отмечают Н. Силаев и А. Сушенцов, – продемонстрировала многообразие и трансформацию союзничества» [Силаев, Сушенцов 2017, с. 10]. В распоряжении двух стран в настоящее время имеется большой набор инструментов для двустороннего взаимодействия (от координации дипломатических действий до совместного проведения боевых операций), и эти инструменты могут быть задействованы в зависимости от решений той или иной политической задачи. При этом вектор этих задач постепенно смещается в сторону экономических интересов и борьбы за энергетические ресурсы, а сама Сирия, по мере укрепления своих границ и государственного суверенитета, становится все больше заинтересована в привлечении иностранных инвестиций и занятии выгодной ниши в региональной и трансрегиональной экономике. При этом помощь, которую оказывает Россия Сирии,

...должна представлять собой не совокупность отдельных, не связанных друг с другом проектов, а масштабный и «комплексный план продвижения группы российских и союзных евразийских товаропроизводителей... для встраивания в ближневосточную рыночную структуру [Агеев, Логинов 2017, с. 8].

Причем план этот (включающий в себя энергетическую и транспортную инфраструктуры, строительство железных дорог, портов и др.) должен обеспечивать потребности не только Сирии, но и близлежащих стран.

Внутриполитическая и экономическая ситуация в Сирии

В течение 2019 г. сирийская армия продолжала последовательно расширять свои позиции, и к началу 2020 г. правительство Башара Асада контролировало порядка 80% территории страны (в 2015 г. – не более 10%). В октябре 2019 г. Турция начала военную операцию «Источник мира» на северо-востоке Сирии, направленную против курдских вооруженных отрядов, имевшую целью создание зоны безопасности вдоль турецкой границы. В конце октября в Сочи состоялось подписание российско-турецкого меморандума, определившего конфигурацию этой территории, куда был открыт доступ правительственным войскам и российским военным, и таким образом был установлен контроль над территориями Заевфратья. Было также принято принципиальное решение о выводе курдских «Сил демократической Сирии» из приграничной с турецкой территории и их замене на подразделения регулярной сирийской армии. Однако вопрос о взаимоотношениях между Дамаском и курдской администрацией пока остается открытым, равно как и вопрос о судьбе курдских вооруженных отрядов.

В отдельных районах ситуация по-прежнему достаточно сложная. Так, несмотря на формально действующий с 31 августа 2019 г. режим прекращения огня в зоне деэскалации Идлиб, совместной российско-турецкой комиссией фиксируется много нарушений в этой зоне, равно как и в Латакии, Алеппо и Хама; в декабре 2019 г. боевые действия шли в целом ряде провинций страны. «Есть попытки восстановления контроля над территорией террористами», – заявил в ходе встречи с В. Путиным 7 января 2020 г. Башар Асад³.

Экономика САР характеризуется достаточно кризисным состоянием, которое усугубляется нестабильной внутриполитической обстановкой (как в самой Сирии, так и в соседнем Ираке), деятельностью террористических группировок и западными санкциями. Значительная часть производственного сектора и транспортной инфраструктуры повреждена или еще находится под контролем террористических организаций; больших финансовых затрат требует восстановление фермерского хозяйства в северо-восточных районах.

По оценке сирийского правительства, восстановление разрушенной инфраструктуры (особенно находящейся в ведении

---

³ Асад объявил о военном успехе на территории Сирии. 08.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/690424> (дата обращения 11 января 2020)

Министерства нефти и минеральных ресурсов) и городов Сирии обойдется официальному Дамаску в сумму около 180 млрд долл., о чем сообщил в письме, направленном в Совет Безопасности ООН, заместитель постоянного представителя страны во всемирной организации М. Мунзер⁴. Очевидно, что экономических ресурсов трех государств, задействованных в Сирии (России, Турции и Ирана), будет недостаточно для ее быстрого восстановления, при том что финансовые ресурсы самой Сирии сильно ограничены, а американские санкции, блокирующие сирийский экспорт и любые финансовые транзакции с участием государственных и частных структур Дамаска, создают дополнительные трудности.

Между тем проникновение бизнеса на сирийский рынок уже началось: как российские, так и иранские компании заключили ряд соглашений о сотрудничестве в сфере энергетики и строительстве.

Сирия – не очень богатая (по сравнению со своими соседями) энергоресурсами страна, хотя основными статьями ее экспорта являются нефть и минеральное сырье. Общие запасы нефти в Сирии, по разным данным, оцениваются в 2,5 млрд баррелей, причем порядка 75% этих запасов находятся на северо-востоке страны и основные из них – на месторождениях, окружающих Дейр-эль-Зор⁵. Большую часть потребностей страны в углеводородах покрывал Иран, поставляя в Сирию нефть с 2013 г., без чего страна столкнулась бы с полным экономическим крахом, особенно в период, когда основные нефтяные районы находились под контролем террористических группировок, а трубопроводы были разрушены. В 2019 г. с поставками нефти начались перебои, т. к. вступили в силу новые антииранские санкции США.

Между тем складывающаяся в Сирии ситуация прямо воздействует на географию нефтегазовых потоков, так как непосредственное отношение как к внутрисирийскому кризису, так и к сирийской нефти и газу имеют Иран, Ирак, Турция, Саудовская Аравия, Катар и другие страны, рассматривающие эту страну как важный транзитный узел портово-нефтепроводных региональных систем.

Большую роль нефтяной фактор играет на севере Сирии. Соединенные Штаты, вопреки ранее сделанному заявлению об уходе из Сирии, наоборот, планируют увеличить численность своей

---

⁴ Сирия сообщила ООН о \$178 млрд убытков, понесенных в результате конфликта [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3959238> (дата обращения 20 января 2020).

⁵ Шмелева Т.А. К вопросу о сирийском нефтегазовом секторе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=64659#more-64659> (дата обращения 20 декабря 2019).

военной миссии для обеспечения безопасности нефтяных месторождений (прежде всего в провинции Дейр-эз-Зор) и в дальнейшем могут поставить под свой контроль большой регион (рассматриваемый как важный транспортный узел, связывающий Турцию, Иракский Курдистан, Иран и арабский регион с Западом) и начать препятствовать доступу сирийского правительства к энергоресурсам, затрудняя и без того сложный процесс восстановления страны. При этом сами сирийские курды, остро нуждаясь в финансовых вливаниях, часть нефти продают через Иракский Курдистан турецким компаниям⁶. В декабре 2019 г. президент Сирии даже издал указ о бомбардировках караванов грузовиков с «украденной» нефтью и нефтехранилищ на территориях, контролируемых «Сирийскими демократическими силами», продемонстрировав, таким образом, что борьба с нефтяной контрабандой будет вестись довольно интенсивно.

Очевидно, что восстановление сирийской экономики будет осуществляться при российском лидерстве⁷, поэтому, с одной стороны, для Сирии открываются довольно широкие перспективы для ее превращения в важный логистический узел ближневосточного и евразийского пространства. Российские компании уже подписали несколько важных договоров и контрактов с сирийским правительством⁸.

---

⁶ Кузнецов А.А. О контрабандной торговле нефтью в северо-восточных провинциях САР и возможных ответных мерах сирийского правительства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=64434#more-64434> (дата обращения 20 декабря 2019).

⁷ Россия уже несколько лет предоставляет самую различную помощь Сирии, в частности обеспечивая необходимыми продуктами питания, пшеницей; поставляя нефтепродукты, инженерные изделия, необходимые для железной дороги, комплектации для больниц. Также Россия подписала несколько важных контрактов по строительству объектов, связанных с электроэнергетикой и водными ресурсами (электростанции и ирригационные сооружения).

⁸ Первой подписала контракт на разведку нефти и газа компания «Союз Нафтагаз» в 2013 г.; в 2017 г. аналогичный контракт заключила компания «Стройтрансгаз», которая будет также заниматься восстановлением добычи фосфатов на крупнейших в стране месторождениях недалеко от Пальмиры. Российские компании «Зарубежнефть», «Зарубежгеология», «Технопромэкспорт» также заключили контракты на разведку и восстановление нефтегазовых месторождений и обслуживание поврежденных нефтеперерабатывающих заводов. См.: Борьба за сирийскую нефть: Россия владеет наибольшей долей, а США контролируют ее через посредников [Электронный ресурс] URL: <https://inosmi.ru/politic/20191211/246413230.html> (дата обращения 28 января 2020). В январе 2018 г. главы профильных ведомств России и Сирии подписали «Дорожную карту» по взаимодействию в сфере энергетики.

Успешная операция Военно-космических сил в Сирии позволила России получить не только новый геополитический статус, но и стать ключевым участником постконфликтного урегулирования в этой стране. Этому способствовала российская политика многосторонности и система союзов, выработанная на Ближнем Востоке, которая должна обеспечить присутствие там России как влиятельной силы и не допустить подрыва ее влияния.

Еще в 2015 г. сирийское руководство сделало ряд открытых заявлений о своем желании войти в зону свободной торговли с ЕАЭС. Об этом говорил министр экономики и торговли Хумам аль-Джазери, а также премьер-министр республики Ваиль аль-Хальки, подчеркнув, что это «позволит облегчить экономические и торговые взаимодействия с дружественными странами»⁹ (Белоруссия, Китай и др.), которые предоставляют непрямую помощь, открывая свои рынки как источники товаров, необходимых для сирийского рынка.

В этом плане для Сирии открываются реальные перспективы реализации целого спектра инфраструктурных проектов, имеющих широкую географию, при ведущей роли в этом процессе российских и сирийских компаний [Борталевич, Логинов, Шкута 2016, с. 144], что, однако, может быть осуществлено, по мнению российских экономистов, путем встраивания сирийской инфраструктуры и индустриального комплекса в мировые товарные и финансовые потоки, проходящие по территории Ближнего Востока. Для этого необходим переход российских компаний, кооперирующихся в той или иной форме с сирийскими предприятиями, к «трансграничному оказанию в Сирии и прилегающих к ней странах комплексных инфраструктурных услуг с опорой на кооперационную увязку производств, транспорта, логистики, сбыта и оперирования финансовыми ресурсами» [Борталевич, Логинов, Шкута 2016, с. 145].

Однако реализация этих проектов может натолкнуться на сопротивление региональных держав, так как в борьбу за энергоресурсы и транспортную инфраструктуру Сирии уже вступают другие игроки, активно использующие новую конфигурацию сил на Ближнем Востоке, при этом Россия, по мнению многих исследователей, в борьбе за региональное лидерство в этом регионе склонна отдавать предпочтение Ирану, поддерживая его ключевого союзника – Сирию [Ахмед Мохамед Абду Хасан 2018, с. 345].

---

⁹ Премьер Сирии: ведем переговоры о вступлении в Евразийский союз [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150721/1138558767.html> (дата обращения 25 декабря 2019).

Новые геополитические контуры региона и экономические интересы региональных держав

В настоящее время, очевидно, стать мощным мировым транспортно-логистическим инфраструктурным центром, через который пройдут торгово-экономические пути, стремится Турция. В январе 2020 г. была открыта первая ветка газопровода «Турецкий поток»¹⁰, благодаря которой у России и Турции появилась возможность занять лидирующее положение и определять условия транзита энергоносителей из ближневосточных стран в Европу, для этого, однако, потребуются присутствие в близлежащих арабских странах (Ираке, Ливане, Египте), где сложной продолжает оставаться политическая ситуация.

Важно также учитывать, что Турция реализует и другие проекты, все более активно продвигаясь на энергетические рынки¹¹, при этом импортирует нефть и газ из Иракского Курдистана.

В этой связи возрастает роль Ливии, где после убийства в 2011 г. Муаммара Каддафи страна расколота на две части: на востоке функционирует избранный народом парламент, а на западе (в столице – г. Триполи) правит Правительство национального согласия (ПНС) под руководством Фаиза Сараджа, сформированное при поддержке международного сообщества. Власти восточной части страны действуют самостоятельно и сотрудничают с Ливийской национальной армией Халифы Хафтара. Террористы из сирийского Идлиба бегут в Ливию, куда Анкара угрожает отправить и свой воинский контингент¹², который должен воевать с фельдмаршалом Х. Хафтаром. При этом, подписав соответствующие соглашения и меморандумы, Р. Эрдоган хочет проводить буровые работы в Восточном Средиземноморье, разделив шельф с Фаизом Сарраджем, возглавляющим Правительство национального согласия Ливии. Это соглашение дает Турции право продолжать разведку нефти и газа (что сразу усилило напряженность в отношениях с

---

¹⁰ Межправительственное соглашение по созданию и эксплуатации газопровода «Турецкий поток» было подписано 10 октября 2016 г. министрами энергетики двух стран после встречи президентов России и Турции в Стамбуле на полях Мирового энергетического конгресса.

¹¹ Кроме российских «Турецкого» и «голубого» потоков через республику уже проходят Трансанатолийский газопровод, нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум. Более того, Эрдоган присоединился к китайскому мегапроекту «Один пояс – один путь».

¹² Парламент Турции 2 января 2020 г. проголосовал за развертывание турецких сил для поддержки ливийского Правительства национального согласия (ПНС).

Грецией и Кипром, считающими это нарушением их суверенитета, а также с Египтом и Израилем).

Ливия имеет для Турции большое экономическое значение, так как это – один из основных ее торговых партнеров в Африке и сфера влияния в Восточном Средиземноморье, поэтому турецкие компании надеются вернуться на ливийский рынок и заняться реконструкцией разрушенной экономики. Кроме того, тот, кто контролирует Ливию, в перспективе может претендовать на контроль за грузопотоками, идущими через Суэцкий канал.

В ноябре 2019 г. было подписано турецко-ливийское соглашение о делимитации морской границы, что дает Анкаре преимущество в споре за энергетические ресурсы Восточного Средиземноморья, учитывая тот факт, что в январе 2020 г. Израиль, Кипр и Греция подписали межправительственное соглашение о строительстве Восточносредиземноморского газопровода (EastMed)¹³, поэтому для Эрдогана важно сохранение правительства Ф. Сарраджа как гарантии соблюдения турецких интересов.

Строительство предполагаемого газопровода выведет в число поставщиков в Европу такие страны, как Израиль и Кипр, что соответствует Стратегии европейской энергетической безопасности (принятой в 2014 г.), в которой поставлена цель диверсификации источников газоснабжения, в том числе из Средиземноморского региона.

Россия, в свою очередь, надеется, что в случае победы в гражданской войне Х. Хафтара он предоставит российским ВКС и ВМФ базу на ливийском побережье и российские госкомпании (нефтегазовые, РЖД), работавшие в Ливии при Каддафи, смогут вернуться в страну¹⁴. При этом Россия не заинтересована в реализации энергетических проектов (прежде всего газопровода EastMed), так как это конкурент «Газпрома», поэтому в отношении ливийского урегулирования выступает совместно с Турцией, пытаясь посадить за стол переговоров противоборствующие стороны. Так, 14 января 2020 г. в Москве прошли переговоры между представителями кон-

---

¹³ Газопровод протяженностью 1900 км станет самым длинным подводным газопроводом в мире и свяжет газовые месторождения у берегов Израиля и Кипра с Грецией и Италией. Этот проект, получивший серьезную поддержку со стороны Евросоюза, должен быть введен в эксплуатацию в 2025 г. Турецкий МИД распространил документ, называющий это соглашение «грязными антитурецкими кознями».

¹⁴ Долгие годы Ливия была для России большим рынком сбыта вооружений и военной техники; «Газпром» подписал соглашение по нефти более чем на 170 млн долл., большой проект по строительству железной дороги реализовывала РЖД; активно работали «Лукойл» и «Татнефть».

фликтующих ливийских сторон (генералом Х. Хафтаром и главой Правительства национального согласия (ПНС) Ф. Сараджем)¹⁵. На этих переговорах Х. Хафтар (поддерживаемый также Саудовской Аравией, ОАЭ, Францией, Египтом) взял паузу, отказавшись подписать совместный с Ф. Сараждем меморандум¹⁶.

Таким образом, в ливийском пространстве, с учетом существенных российско-турецких противоречий, Москве и Анкаре, видимо, необходимо будет объединять усилия, чтобы достичь своих геополитических целей и идти по т. н. «сирийскому формату», который помог этим странам в рамках Астанинского процесса создать базу для совместной работы по урегулированию кризиса в Сирии.

Иран, в свою очередь, начал выступать в качестве регионального лидера глобального масштаба. В сфере энергетики Иран по-прежнему заинтересован в расширении участия в добыче и транспортировке нефти и газа; выводе иранского газа на европейский и азиатский рынки и превращении страны в региональный транзитный узел. При этом стратегическое сближение Ирана с Россией в экономике, прежде всего в энергетической сфере, может сыграть важную роль как для российской ближневосточной политики, так и для глобальных форматов международного сотрудничества, а в перспективе – способствовать появлению новых рынков сбыта и для стран Евразийского экономического сотрудничества. Через сотрудничество с Ираном ЕАЭС может получить выход на рынки Ирака, Сирии, Кувейта и других стран и доступ к важнейшим транзитным маршрутам.

Значительные интересы Ирана сосредоточены и в Сирии, с которой уже подписаны соглашения в нефтегазовой сфере на сумму порядка 4 млрд долл., но также соглашения в области здравоохранения и других социальных сферах (на сумму более 1 млрд долл.)¹⁷. Иран стремится получить еще больше инвестиционных контрактов в области энергетики, но сталкивается с интересами и присутствием американцев в восточных районах Сирии, а также с конкуренцией в лице России, которая получила важные нефтяные контракты. Сое-

---

¹⁵ Переговоры проходили в рамках посреднической миссии, проводимой президентом РФ и президентом Турции. 8 января в ходе визита российского лидера в Стамбул, стороны договорились о взятии на себя посреднической миссии по прекращению огня в Ливии и примирению сторон.

¹⁶ Переговоры по Ливии в Москве завершились без подписания соглашения // Коммерсантъ. 13.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4219628> (дата обращения 1 января 2020).

¹⁷ Премьер Сирии ведет переговоры о вступлении в Евразийский союз [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150721/1138558767.html> (дата обращения 25 декабря 2019).

диненные Штаты разрабатывают новую стратегию для выдавливания Ирана из Сирии, включающую введение санкций, под которые могут попасть не только иранские, но и российские компании, которые решат участвовать в восстановлении сирийской экономики. Поэтому Иран серьезно ограничен в своих действиях по сирийскому восстановлению из-за собственных проблем с экономикой.

При этом в Израиле растет беспокойство усиливающимся военным присутствием РФ в регионе и укреплением российско-иранского сотрудничества. Смысл соглашений Израиля с Турцией, Кипром, Грецией, Египтом и другими странами заключается именно в реализации национальных интересов Израиля в рамках так называемой периферийной стратегии¹⁸, а не в налаживании дружеских отношений (как с США). Речь идет исключительно о прагматическом расчете руководства Израиля, задача которого – обеспечить кольцо стабильного военно-политического, торгово-экономического и энергетического партнерства вокруг территорий хаоса и нестабильности. «Закрепление Ирана на территории Сирии является угрозой для безопасности Израиля, и мы не можем допустить такого развития событий, – заявил глава МИД Израиля И. Кац, – Иран несет угрозу не только нашей стране, но всему региону»¹⁹. Очевидно, что Израиль и дальше будет продолжать ориентироваться (при поддержке США) на лояльные к нему арабские страны, подталкивая их к экономическому сотрудничеству, которое может способствовать сдерживанию Ирана. Так, например, США в настоящее время предпринимают активные посреднические усилия в ливано-израильском споре по разработке шельфового газа, что не случайно, так как американская крупнейшая нефтегазовая компания ExxonMobil заинтересована в том, чтобы выйти на рынок углеводородов в Израиле и секторе Газа²⁰.

---

¹⁸ «Периферийная стратегия», которой Израиль следовал в своей внешней политике начиная с 1950-х гг., была ориентирована, прежде всего, на «второй круг» мусульманских государств (находящихся за непосредственными соседями Израиля) – Турцию и Иран. «Арабская весна» и последовавшие за этим события актуализировали данную концепцию, которая направлена теперь на «третий» и «четвертый» круги государств, включая умеренные арабские государства Ближнего Востока, Северной Африки и немусульманские страны Средиземноморья. См.: *Костенко Ю.И.* «Новая периферийная стратегия» Израиля // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1 (52). С. 103.

¹⁹ Смерть Сулеймани дала шанс России и Израилю. Путин и Нетаньяху обсудят судьбу иранских сил в Сирии // Независимая газета. 2020. 22 янв.

²⁰ *Щегловин Ю.Б.* Израильский, ливанский и нефтегазовый факторы в современной политике США на Ближнем Востоке // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=54255#more-54255> (дата обращения 26 января 2020).

Сам Израиль претендует на то, чтобы стать международным центром морских и сухопутных перевозок (в связи с чем в стране модернизируются старые порты и строятся новые, разработан проект скоростной железной дорога Эйлат–Ашдод протяженностью 350 км, которая должна соединить израильские порты на Красном и Средиземном морях и позволить перевозить грузы в обход Суэцкого канала) [Агеев, Логинов и др. 2017, с. 20], однако этому препятствуют противоречия с соседними арабскими странами и их нестабильная внутривосточная ситуация. Так, в Ливане продолжаются протестные выступления и серьезный правительственный кризис, который усиливается расколом правящей элиты по сирийскому вопросу²¹, что серьезно сказывается не только на положении сирийских беженцев (общая численность которых, по разным оценкам, составляет от 1 до 2 млн человек), но и мешает налаживанию взаимовыгодных экономических отношений. Между тем Ливан крайне заинтересован в такого рода сотрудничестве с Сирией, использовании ее как важного стратегического моста для торговли с другими арабскими странами и Турцией, выхода из фактической торговой изоляции, в которой оказался Ливан из-за сирийского кризиса.

Египет начал играть более активную роль в сирийском кризисе. С самого начала президентства Абдель Фаттах ас-Сиси публично заявлял, что Каир не поддерживает сирийскую революцию и помогает правительственным войскам в боях с оппозицией и поддерживает режим Б. Асада на международных площадках и форумах. Кроме того, выстраивались отношения в области безопасности и взаимодействия между вооруженными силами (что говорит о координации между египетским и сирийским режимами в сфере безопасности). Египет принимал участие в конфликте в качестве посредника между вооруженными группировками и режимом Асада (в частности, в рамках перемирия в Восточной Гуте). По мере укрепления позиций Египта конкуренция между ним и Саудовской Аравией сменилась его поддержкой со стороны последней²².

---

²¹ Премьер-министр Ливана Саад Харири и поддерживающая его суннитская группировка выступают против налаживания прямого диалога с президентом Сирии и его союзниками, прежде всего, с Ираном. Спикер ливанского парламента Набих Берри и поддерживающая его шиитская группа, напротив, стремятся к более тесному взаимодействию с Сирией по самому широкому кругу вопросов.

²² Поддержка стран Персидского залива и стимулирование египетской роли привели к тому, что «Джейш аль-Фатх» – одна из крупных оппозиционных фракций в Восточной Гуте, приняла египетские инициативы и согласилась участвовать в переговорной сессии в Каире, что подтвердило наличие саудовской поддержки Египта // Кто стоит за активизацией роли Египта в сирийском кризисе [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171102/240671828.html> (дата обращения 25 декабря 2019).

Таким образом, вокруг Сирии выстраивается целая система сложных политико-экономических региональных интересов, имеющих самые разные цели в сфере безопасности и экономики и одновременно создающих много противоречий. Поэтому очевидно, что постконфликтное восстановление Сирии не будет чисто экономическим вопросом. Россия, у которой пока нет четкой стратегии восстановления этой страны, считает, что делать это необходимо при участии мирового сообщества²³.

Если принять во внимание создание международной комбинации соглашений и договоренностей, то в основе этой системы лежит тесная взаимосвязь энергетических обязательств и убедительное военное присутствие России, без которого невозможно встраивание Сирии в новую геополитическую ситуацию, т. к. «во время передела мира на первый план выступает реальная сила», а право писать новые правила «можно либо завоевать, либо купить», при этом важно осознавать, что «мягкая» сила уже не способна существовать без силы «жесткой»²⁴. Россия доказала свое право устанавливать «правила игры», однако делать это придется с учетом интересов различных держав, продолжая создавать с ними тактические, «нелинейные» союзы для соблюдения баланса сил, понимания, «чего все хотят... и какую собственную политику вести в этом контексте»²⁵.

Роль Китая в интеграции Сирии в евразийское пространство

Учитывать в этой связи придется и все увеличивающийся рост Китая, который нашел свое отражение в концепции стыковки ЕАЭС с китайской инициативой Экономического шелкового пути. Китай уже стал одним из главных инвесторов в страны Ближневосточного региона, первым покупателем его нефти и ведущим торговым партнером. Китайское присутствие и углубляющиеся

---

²³ Российские исследователи рассматривают три сценария сирийского восстановления: «своими силами» при помощи союзников Сирии; при активном участии ЕС (после снятия санкций); с привлечением государств Залива к финансированию. См., например: Примирить непримиримое: подходы России и Европы к восстановлению Сирии: Доклад / Гл. ред. И.С. Иванов // Российский совет по международным делам. 2019. № 48. 32 с.

²⁴ Международные угрозы 2020. Каждый – за себя / Отв. ред. А. Сушенцов [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2ac/int-threats-2020.pdf> (дата обращения 25 декабря 2019).

²⁵ Примирить непримиримое... С. 26.

отношения государств региона с КНР становятся существенным фактором экономического и политического развития всего Ближневосточного региона.

Среди ближневосточных партнеров КНР Сирия занимала особое место: сотрудничество с этой страной было важным «подспорьем» для решения широкого комплекса стратегических задач, стоящих перед Китаем в данном регионе. Уже с конца 1980-х гг. Китай предпринимал целый ряд шагов с целью повышения уровня своих политических отношений с САР, а также поэтапно развивал торгово-экономическое сотрудничество, произвел ряд важных военных поставок²⁶. До 2011 г. Китай был основным экспортером товаров в Сирию, активно инвестировал в тяжелую промышленность и ее нефтяной сектор²⁷ и рассматривал эту страну как один из «узлов» мегапроекта «Новый шелковый путь». Во время войны Китай не прекращал военно-техническое сотрудничество, после освобождения Алеппо (в 2016 г.) активизировал свое участие в урегулировании, а в 2017 г. подписал соглашение об оказании безвозмездной гуманитарной помощи и обнародовал план, согласно которому предполагалось вложить около 2 млрд долл. в строительство индустриального парка в Сирии с подключением 150 китайских компаний²⁸.

По мере укрепления позиций правительственных сил на территории Сирии Китай стал все больший интерес проявлять и к этой стране, особенно к ее природным ресурсам и проектам долгосрочного развития. Так, около 200 китайских компаний участвовали в Международной торговой ярмарке в Дамаске, и Китай объявил о выделении 2 млрд долл в качестве инвестиций в сирийскую промышленность²⁹. В 2018 г. в Пекине прошла первая торговая выставка «Проекты по реконструкции Сирии», а на Форуме сотрудничества Китая и арабских государств Пекин анонсировал пакет финансовой помощи арабским странам в размере 23 млрд долл., часть

---

²⁶ Антипов К.В. Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. 2012. Т. 17. С. 205.

²⁷ В 2010 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация вместе с Royal Dutch Shell стала совладельцем основной нефтеперерабатывающей сирийской компании «аль-Фурат Петролеум».

²⁸ Интересы России и Китая в послевоенной Сирии: кто кого? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/news/60440.html> (дата обращения 2 февраля 2020).

²⁹ Кузнецов Р.А. О возможности участия КНР в восстановлении Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=62970#more-62970> (дата обращения 20 декабря 2019).

которых обещал адресовать Сирии³⁰. В 2019 г. Сирия впервые была приглашена на созванный Пекином второй саммит инициативы «Один пояс – один путь», где сирийская делегация подтвердила интерес Сирии к присоединению к данному проекту, реализация которого на ее территории может сыграть решающую роль для восстановления экономики в максимально короткие сроки, а в дальнейшем – принести и другие существенные результаты.

Таким образом, Китай последовательно разрабатывает новый маршрут выхода в Средиземноморский регион и далее в Западную Европу по т. н. «шиитской дуге» (Иран–Ирак–Сирия–Ливан).

Иран уже давно является крупнейшим экономическим партнером Китая, особенно в сфере энергетики. В 2011 г. в Тегеране был образован ирано-китайский нефтегазовый комитет, деятельность которого направлена на ускорение реализации совместных проектов и расширение сотрудничества между двумя странами. В 2016 г. в ходе официального визита в Тегеран председателя КНР Си Цзиньпина было подписано 17 соглашений, среди которых – Межправительственный меморандум о взаимопонимании в целях поощрения и установления морского «Шелкового пути XXI века» и экономического пояса «Иран–Китай» в рамках этого проекта.

В рамках этого нового маршрута Китай начал поэтапно инвестировать в расширение мощностей и модернизацию инфраструктуры ливанского порта в г. Триполи, для возрождения которого Китай планирует построить железную дорогу Триполи–Хомс для сокращения времени транспортировки грузов³¹. Таким образом, как считает отечественный исследователь Кузнецов Р.А., порт в Триполи, становящийся очередной штаб-квартирой китайской COSCO – одной из крупнейших судоходных компаний в мире, превращается в важный узел амбициозной глобальной китайской стратегии «Один пояс – один путь», в которой и Сирия может стать ключевым ближневосточным государством-участником³².

В этой связи китайские инвесторы уже выразили интерес в финансировании нового железнодорожного сообщения по линии Хомс (Сирия)–Триполи (Ливан), что в будущем обеспечит альтернативный (Суэцкому каналу) выход в Европу и доступ к сирийскому рынку и его рабочей силе.

При этом сама Сирия рассматривает региональные риски в широком стратегическом контексте и ищет новую парадигму вы-

---

³⁰ *Вартанян А.М.* Инвестиционные интересы Китая в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=62325#more-62325> (дата обращения 20 декабря 2019).

³¹ *Кузнецов Р.А.* О возможности участия...

³² Там же.

страивания международных отношений не только в регионе, но и со странами Евразии в условиях появления сильных региональных игроков, прежде всего Турции и Ирана. Как отмечают отечественные экономисты, вхождение Сирии в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) могло бы стать важной основой для активизации экономического возрождения этой страны, т. к. на этой площадке «могут быть урегулированы вопросы сопряжения различных топливно-энергетических и транспортно-транзитных проектов, планируемых к реализации различными странами» [Агеев, Логинов и др. 2017, с. 17].

Таким образом, с учетом сложной геополитической конфигурации, сложившейся в данном регионе, России, видимо, придется, отталкиваясь от тактических военно-политических союзов, создавать аналогичные «подвижные» форматы экономического взаимодействия, применяя в условиях жесткой конкуренции за энергетическую и транспортно-логистическую систему Ближневосточного региона различные политические схемы и бизнес-модели, преследуя цель укрепления не только своих политических позиций, но и более эффективного продвижения своих бизнес-интересов на рынки данного региона. Очевидно, что необходима и выработка стратегии в отношении Китая и его расширяющегося влияния на Ближнем Востоке. Реализация этих целей должна идти в рамках «квазиинтегрированного» ближневосточного рынка и вписываться в складывающуюся нефтегазовую и логистическую трансграничную структуру.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142)

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation grant number 19-18-00142

Литература

Агеев А., Логинов Е. и др. 2017 – Агеев А., Логинов Е. и др. Восстановление экономики Сирии: формирование российского инфраструктурного ядра в ближневосточном узле мировых стратегических проектов // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 6–23.

- Ахмед Мохамед Абду Хасан 2018 – *Ахмед Мохамед Абду Хасан*. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2018. № 2 (18). С. 342–355.
- Борталевич С.И., Логинов Е.Л., Шкута А.А. 2016 – *Борталевич С.И., Логинов Е.Л., Шкута А.А.* Проблемы и возможности развития экономики Сирии как партнера Евразийского экономического союза // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 12. С. 143–151.
- Силаев, Сушенцов 2017 – *Силаев Н., Сушенцов А.* Союзники России и геополитический фронт в Евразии // Валдайские записки. 2017 (апрель). № 66. С. 3–15.

References

- Ageev, A. and Loginov, E. (2017), “Restoring Syrian Economy. Formation of Russian Infrastructural Core in the Middle East Hub of the World Strategic Projects”, *Economic Strategies*, no. 1, pp. 6–23.
- Ahmed Mohamed Abdu Hassan (2018), “Energy dialog between Russia and Saudi Arabia in 2010-2017”, *Vestnik RUDN-University*, no. 2 (18), pp. 342–355.
- Bortalevich, S.I., Loginov, E.L. and Shcuta, A.A. (2016), “Developing the Economy of Syria as a Partner of the European Economic Union. Issues and Opportunities”, *National Interests. Priorities and Security*, no. 12, pp. 143–151.
- Silaev, N. and Sushentsov, A. (2017), “Russia’s Allies and the Geopolitical Frontier in Eurasia”, *Valdaiskie zapiski*, no. 66, pp. 3–15.

Информация об авторе

Марина А. Сапронова, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО-Университет), Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; m.sapronova@inno.mgimo.ru

Information about the author

Marina A. Sapronova, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; m.sapronova@inno.mgimo.ru